

Литературная страница

ЗА СЕЛО РОДНОЕ

Командир сказал так просто,
Ноиззас руки:
«Вот за этот дальний мостом
Престою нам бой.»
Нет синевы на снеге
Выполнить приказ.
Наша мечта, наши дети
Ожидают нас.
Наши матери и сестры,
Братья и отцы.
И дома и хаты наши
Ждут нас там, бойцы!
Подмы враг теперь терзает
Дорогих людей.
И любой из нас жалеет
Их спаси скорей.
Бить фашистов без щады,
Номинали в боев,
Никогда работы не будет.
Русский человек.
И в холодный зимний вечер
Разгорелся бой
С огнем колцом картечи
На передовой.
Грохотали канонады,
Вспыхивали взрывы.
Вот уже бой усада,
Вот в селе отряд.
Выбить враг атакой жаждкой,
Шквалом огневым.
И зари светлая ярко
Над селом родным.
И земли родные наша
Вот опять моя.
Снова радость и счастье
Защищает она.

ВАЛ. БОКАЕВ.

ЗАЩИТИКАМ РОДНЫХ

Всех, кто бьется неутихоно,
Кто в дозоре, на посты,
В комуху стоят дубленым
И в тяжелых сапогах.

Всех, кто, счастье защищая,
К смерти каждые час готов,
Кто отчизне возвращает
Курск и Харьков и Ростов..

Кто лежит за пулепотом
В обжигающем снегу,
Всех, кто меты с самолета
Или танка по врагу..

Конници и пехотинцев,
Кто под пуль синицы град
Отстоял бы Царинцы,
Ныне славный Сталинград,

Приближенные дни кончины
Тех, чьи гибели решены,
В дни великих годовщины
Все приветствует страну.

Будто доблестным примером,
Близок он, победы час,
С лаской, гордостью и верой
Смотрит родина на все!

В. СКОРЦОВА.

НАШ ПРАЗДНИК

Мне симил яркий праздник Мая:
Ульбки, музыка, цветы.
Отзывающая мостовая
На шум шагов и суеты.

Громкий, строгий час первоздан.
Небывалый первый раз.
Вот так герой Стalingрада
Встречал был главный Ленинград.

То был парад победы нашей.
На светлых кончиках штыков
Нам царемониальным маршем
Казались звездочки цветов.

Ишли бы, шли, в шиноплик сорок,
В широких доблестных солдат,
Мен друзья из пионеров,
Все, все товарищи подряд

Он будет этот праздник! Будет,
Как за зимой приход весны..
Ров атакующих орудий
Осуществляет наши сны.

Н. СОКОЛОВ.

АРТИЛЛЕРИСТ

Слух идет по батарее,
И уверен каждый в том,
Что когда-то был Кирзов
В Костроме часовщиком.

Вечно занят, озабочен,
Часто крутят он усы.
Говорят, Кирзов точач,
Как хорошие часы.

Залегла в лесу похоть,
Ей одной подчас навмочь.

И всегда с большой охотой
Он берется ей помочь.
Пушка развеивает сердце,
Иней падает пущист.

Третий выстрел. Цели накрыта!
Говорят телефонист.

Так громит фашисты дзоты
Темной ночкой, ясным днем
Дядя Коля, друг похоти,
Управляющий огнем.

Н. СКОПЕЦ.

В. ЛЕБЕДЕВ. Пятеро братьев — (Рассказ)

Действие этих пятерых братьев было таким же золотым и солнечным, пущенным в боевые, как у многих из одногодок деревни, в которой они прожили, стояла над Немецкой, зеленой речкой, с бересковым краем, в рабине, яблонях, в густом и вкусном наливом ягодородов в галечном гомоне и щебете птичьей мелодии. Зимы проносились быстро, и действие казалось им долгим, бесконечным летом. Они, пять братьев — Василий, Федор, Павел, Дмитрий и Алексей Бурковы не всегда были в ту пору друзьями между собой. Часто время младших объединялось против старших в артиллерийском военном союзе, и пушки, сделанные из жерди потолка, стреляли по гравитации баланса, то картечью на пресечной тальке. Любовь к артиллерийскому искусству они унаследовали от отца, бывшего фельдфебеля российской армии.

— Орудия, ребята, есть вещь сама главная, — винил, бывая в корпором настроении, Епифаний Бурков всем пятерым своим сыном. — У пушки руки обеяли какое-то волшебство! Будет тридцать ворот в морду может дать...

Пушки, из которых перестреливались между собой братья Бурковы над огородами подсолнухового детства, конечно, не были на тридцать ворот. Но ребятам часто казалось, что они могут даже и за сто километров.

Старший из них — Василий, естественно, всегда считался командаром орудия, в ногах даже и батареи, но мог в любых случаях совмещать в своем лице всех членов установленного орудийного расчёта.

— Первое звено! Второе — к выстрelu! — гулко разносилось над огородами вдоль речки Сердени его команда,

МИХАИЛ ПРИШВИН

Любовь к родине выражается по-разному. В наше время высшее свое выражение она находит в самоизвержении героя. А в литературе главное место занимает образ героя. Этот образ удается писателю только тогда, когда создан с глубоким знанием лица современного героя и с совершенной искренностью.

Все времена одни из замечательных способов выражения любви к родине было проникновение и воодушевленное изображение родной природы.

Конечно, суть при этом не в самом природе, а в том, как живет человек среди природы, как пробуждается в нем постоянные глубокие чувства внутренней связи с тем, что окружает его, что окружал его предков, средь чего растут его дети. Необходимо искренний и глубокий изобразитель родной природы — Михаил Пришвин, писатель, только что награжденный орденом Трудового Красного Знамени по случаю семидесятилетия со дня рождения.

В Костроме и ее окрестностях любят вспоминать появление Пришвина в наших краях. Многие видели этого бородатого, коренастого, поднимшего человека, зарка и весело смотрящего на собеседника. Это человек уже старый и все еще молодой. Очень задумчивый и все-таки очень общительный, особенно любящий поговорить о природе, о ее красоте и величии.

Пришвин — щепетильнейший реалист, но он столь нового видит в природе, что образы его порою называют «извращенными». Особенно в этом отношении интересен глаза «кардиналь».

Последние пушки «весенний час». Деревня, озаренные «свободным, настороженным весенним солнцем», настороженным разводящимся скользящим ветром. Весна берет свое. Деревни, сами освобождаются от гряды снега.

Большая волна большой она сама поднялась, сама все отряхнула с себя и закатилась... Всюду прыгали молодые деревни, сбросившись с себя белые плащами и синими сияниями на реке Костроме. Михаил Пришвин постоянно приезжал в селение Веша, туда, где дышала некрасовская деревня — «деревня весны».

Этим местом и вообщем природой Костромы посвятил Пришвин свои открытия, которые называли «Несколько весны» («Октябрь», № 4-5, 1940 г.). При этом эти открытия не сразу пленяют читателя. Кажется, что в них мало событий, хотя все полно такими событиями, которые вокруг нас ищут поисковики и которых мы не примечаем. Некоторые, что нет и описание природы, потому что автор зарывается в микроскопическую подробности, и, правда, иной раз кажется, что в «Несколько весны» из деревьев не видно леса.

Но достаточно углубиться в чтение, достаточно во всю силу передаться на одну строку, и уже видно, что Пришвин тут пишет о родной нашей природе, как для него никто не писал, что зрение его проникает сквозь углубленную дубовую кору, слышит ее, как будто и струится и живет лесной заросший ручей, и радостно осознает все проявления бытия.

В природе нет существа более близкого мне, чем лесные ручьи, вытекающие из болот, потом рассекающие многое леса глубокими оврагами. Эти маленькие ручьи такой скрытой силы, что если встретишь на пути такого ручья любая гора, пусть Казбек или Эльбрус, все равно он и Эльбрус размоет...

Очтого, что наша костромская природа изображена этим большими и чуткими художником.

ТОВАРИЩ В ШИНЕЛИ

Ты шел, соревнуясь с пургой и метелью,

В атаку лико под гром батарей,

Парнишка отважный в солдатской шинели

Товарищ мой зерный в бой и труде...

Где воли родимы кроты берега...

Любимые девушки, нас провожают,

Как грустно и немножко сказали: «Пока!»

Мы оба одели шинель боевую,

Нам родина-матерь приказала — иди!

Проставим же юность свою огневую,

Героями станем в ту ночь грозовую,

На заны, товарищ, нам надо спешить.

Мы вместе делили и горе и славу,

И хлеб и табак на привалах-ночных.

Я переплыл Русь, ты бился Полтаве,

Устрем Стalingрада, за солнечный Крым.

Не раз на снегу под развесистой елью,

Пусть ветер крещет разморозы на зло,

Мы чуточку дремали, укрывшись шинелью,

Нас дружка спасла, шинель вычуяла,

Когда, подносявшись туже ремнем,

Пехота родная в атаку вставала

В бессонные夜里, под вражеским огнем.

Мы оба одели шинель боевую,

Нам родина-матерь приказала — иди!

Проставим же юность свою огневую,

Героями станем в ту ночь грозовую,

На заны, товарищ, нам надо спешить.

Мы бились отважно, но пнули синицы,

И ты, товарищ, был ранен в 690.

Дуэль-санитары на берег шинели

Спасали горячую юность твою.

И вспомнил тогда ты, товарищ в шинели,

Тот город на Волге, тот парк над рекой.

Услыхал те песни, что девушки пели,

И ту, что тебя называла — дорогой!

И нечестивые мы синицы,

Штыками кололи и танком давили

Фашистскую сквачину в их ДЗОГах глухих.

Мы оба одели шинель боевую,

Нам родина-матерь приказала — иди!

Проставим же юность свою огневую,

Героями станем в ту ночь грозовую,

На заны, товарищ, нам надо спешить.

В. ХРИЩЕВ.

Полевая почта 577.

БОЕВНАЯ-КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сии, малыш,

Уси, мой ласковый,

Вырастай скорей скорый.

На отца похок ты глазами

И, как будто бы, душой.

Посмотрю в глаза твои зеленые,

Посмотрю на твой куриной нос.

Вспомню вновь,

Черты отца знакомые,

И блеснут в глазах росинки слез.

Я скажу их,

Как гостей непрощенных,

Улыбнусь приветливо опять.

Твой отец,

Как всем отцам положено,

Нас с фронтом уехали защищать.

Вырастай!

И сам за родину,

Коль придется, прымеш бей.

А поедешь в Кремль

За орденом,

Так возьми меня с собой!

Н. ОРЛОВ.

БОЕВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ДЕРЕВНИ

СТАМВУЛ, 25 февраля (ТАСС).

Итальянская газета «Коррье делла sera» опубликовала статью о положении в деревне, которой рисует безрадостную картину положения итальянского крестьянства.

В деревне, пишет газета, остро нуж